Ко мне приятное нисходит упованье,
Творит без робости готовым ко всему,
Блаженным делает мое здесь пребыванье,
Без ужасу к концу приводит моему
Боится ль осенью листок отпасть от древа?
Боится ль червь того, что хлад его сразит?
А мне от бренного земли рожденну чрева
Страшиться ль надлежит, что смерть мне предстоит?
С прекрасною весной червь к жизни воскресает,
И новым листвием вновь красятся леса,
Меня ль от бытия природа отвергает?
И вечную ль мне смерть судили небеса?
Творец, который всю вселенну оживляет,
Малейше существо щастливит и хранит,
Равно и нас, людей, на век не истребляет,
Но больше совершенств и жизни нам дарит
Предстаньте, грозные, жестокие напасти,
Какими смертных род бывает поражен,
Болезни слабых тел, душевны, люты страсти,
Хоть вами человек всеместно окружен,
Но ваше страшное бессильно все стремленье,
Дух ради вечности рожденный истребить
Пороков собственных его совокупленье
Лишь может только жизнь печалью омрачить
Любовь к премудрости их мраки прогоняет
Явить нам светлыми дни здешня бытия,
Любовь творить добро весельем наполняет,
Всех сладостей земных есть верх любовь сия
И после мрачных бурь, туманом разнесенным,
Луч солнца красного внезапно осветил,
Воззреньем радости, хоть слабым, отдаленным,
Растеньи, тварь, людей отрадой ободрил[1]
Так друг, которого жалеем, провождаем
Глазами и душой с далекого пути,
Еще к нам обратясь, любовью побуждаем,
Взаимно взглянет к нам и говорит прости

ЗИМА

Но деятельность вся природы исчезает,
Ее объемлет хлад, все в камень претворя
Едва издалека луч солнца проницает,
В полуденной стране свет скудный нам даря
Как сумерки весь день, весь день ждем света бела,
Сыр воздух и тяжел сгущением паров,
Иль хладом сжатый свеж, пронзителен для тела,
Являет нам лазорь и багру облаков
Вода льдяных цепей страшится, негодует,
Звучит но хлад ее старается сковать,
Настынувша, мрачна, вотще она волнует,
Престала, утомясь, оковами звучать
Мраз волны заключил в подледную темницу,
И ветр, предатель ветр, как вероломный друг,
Погод и времени лобзает колесницу,
Тут с нордом съединясь и общей силой вдруг
Уже содействуют воды на замерзанье
С ней прежнее свое согласие забыл,
И струй трепещущих с зефиром лобызанье,
И тишину, когда, уснув, в их лоне был
За то ль, что солнце уж прозрачных вод не греет
За то ль и ветер им сурово изменил?
Увы[1] и в людях то ж — Коль щастье охладеет,
Едва не враг ли стал, кто прежде дружбой льстил
Звук тусклый, томный стон уныло раздается
И днем и в темну ночь, под твердым сводом льда,
В пространстве берегов из края в край несется,
Свободы просит так разгневанна вода
От дальна севера, от вечных льдов пловучих
Нощь царствие зимы простерла над землей,
С ней вьюги, снеги, мраз, сонм вихрей, бурь ревучих,
И запад и восток подвластны стали ей
Безмолвиость в царстве той, свободно лишь дерзают
Мраз треском, воем ветр безмолвие прервать
Небесные огни с дрожанием сверкают,
Высокая луна печется мраки гнать
Увы[1] хоть светом нас она обогащает,
Но солнце теплоты ничто не заменит[1]
Оно хотя в дали проглянет, все смягчает,
Напомнит радости, уныние живит
Зри[1] белым инеем сгущенные сияют
Высокие леса, нагбенные кусты,
И пышность хладную, не нежности являют[1]
Еще манят наш взор в дреме своей сады
И рощи при селах, еще напоминая
Утехи, кои там вкушали в летний зной,
Гулять не можем в них, гуляем воображая,
Блюдем их зимний сон, чтим нужный им покой
При солнце искрами горит холодный иней,
Алмазы, изумруд и яхонт в нем блестит,
Померкнут все огни, коль солнце в туче синей,
По ветвям дунет ветр, прочь пышность вся слетит
В полях и по горам, по ледяным равнинам
Забавясь ветры вьют, снег дуют и метут,
Наносят в ряд бугры и горы по долинам,
Засыплют ночью путь, смеясь идущим тут
В холодной их игре участья не приемлем,
Не летний то зефир с прохладом крыл своих,
И визгу посвиста не радостно мы внемлем,
В жилищах теплых мы покоимся от них
Земля печальное лицо свое одела
Покровом белизны и сетует под ним,
Сей нежной матери утроба охладела,
Не хочет пищи та нам детям дать своим
Что ж? разве сила вся природы истощилась?
И действовать уже не будет та вовек?
Иль благость божия от смертных отвратилась?
Ах нет, всегда Творцу любезен человек[1]
Но люди все равны и все ему приятны,
Он ими населил весь шар земной кругом,
И, может быть, небес тела, нам непонятны,
Наполнены детьми предвечным сим отцом